

Историография чувашского языка насчитывает два с половиной столетия. В 1730 г. Ф. И. Страленберг в своем труде, явившемся первой классификацией уральских и алтайских языков, впервые ввел в научный оборот 29 чувашских слов. Примечательно, что он на основе приложенной сводной таблицы с образцами некоторых числительных и существительных из разных языковых семей причислил чувашский язык к тюркским языкам [Страленберг 1730].

Далее *Vocabularium Harmonicum* Г. Ф. Миллера, т. е. немецко-татарско-черемисско-вотяцко-мордовско-пермо-зырянский словарь его труда, содержит уже в 10 раз (300) больше слов, нежели содержала работа Ф. И. Страленберга [Миллер 1759]. Г. Ф. Миллер, подобно Страленбергу, но, по всей видимости, независимо от него, чувашский язык тоже считал одним из тюркских языков. По словам М. Р. Федотова, "...Миллер первый в истории обратил внимание на один из отличительных признаков чувашского языка – постановку протезы *в-* перед огубленными гласными других тюркских слов" [Федотов 2000: 24].

В 1840 г. В. Шотт опубликовал краткий очерк первой научной грамматики чувашского языка на латинском языке под названием "*De lingua tschuwaschorum*", затем появилась его же статья "*Etwas über die tschuwaschische Sprache*" [AWKR, Bd. III: 115]. В обеих работах автор приходит к выводу, что "чувашский язык является ветвью не финского, а тюркского племени" [Федотов 2000: 42]. Эти первые попытки классификации и описания языков обратили внимание исследователей на тюркские, монгольские и чувашские языковые параллели, имеющиеся в венгерской лексике, и таким образом началось исследование тюркских (чувашских) заимствований венгерского языка. Однако чувашский язык и его влияние на разные языки рассматривали не только венгерские, но и финские лингвисты, исследовавшие финно-угорские языки Поволжья. В связи с этим задача данного обзора – выяснить роль финно-угроведов в истории изучения чувашского языка на разных его этапах и кратко обобщить результаты их исследований.

Первым венгерским исследователем, побывавшим на чувашской земле (1841) и собравшим там ценный лингвистический, фольклорный и этнографический материал, был молодой ученый Антал Регули, юрист по образованию. При посещении хантов, манси, чувашей, марийцев и мордвы он преследовал цель доказать родство финно-угорских языков и пролить свет на происхождение венгерского народа. Из-за своей скоропостижной смерти Регули не достиг намеченной цели. Однако, богатей-

ший материал, собранный Регули и обработанный его последователями, блестяще доказал правомерность исходной гипотезы. Интерес Регули к чувашскому языку можно объяснить тем, что чувашский язык в середине XIX в., по-видимому, все еще считался языком финно-угорского происхождения. В этом могли сыграть роль как месторасположение чувашей среди финно-угороязычных народов Поволжья, так и обособленность чувашского языка от тюркской семьи языков. Мы также полагаем, что работы Страленберга, Миллера и Шотта не были известны в научных кругах того времени. Обработка собранного Регули лингвистического материала дала размах развитию финно-угристики в Венгрии и позволила установить, что к венгерскому языку ближе всего стоят обско-угорские языки.

Основоположник современного сравнительного финно-угорского языкознания, доктор филологии Йожеф Буденц, помимо марийской и мордовской частей финно-угорского наследия Антала Регули, обработал и ввел в научный оборот и его чувашские материалы. Буденц, ни разу не побывав среди чувашей, опираясь исключительно на собранный Регули чувашский материал, прекрасно ориентировался в исторической фонетике, морфологии и лексике чувашского языка. Об этом свидетельствует его научная грамматика чувашского языка, написанная на венгерском языке “Очерки исследования по чувашскому языку” [Буденц 1862–1863]. В очерках Буденцем затронуты фактически все ключевые вопросы чувашской грамматики. В другой своей работе он впервые открыл ряд закономерностей фонетических изменений между тюркскими и чувашским языком, главными из которых являются закон ротацизма и ламбдаизма [Буденц 1985]. Установленные Буденцем фонетические закономерности доказывают близкое родство чувашского и тюркских языков.

В ходе исследований марийских и мордовских записей Регули прежние взгляды Буденца относительно родственных связей венгерского языка коренным образом изменились. В начале своей научной деятельности Буденц был убежденным сторонником венгеро-тюркского языкового родства. Однако, обработав финно-угорские элементы венгерской лексики и проделав огромную работу по сопоставительной финно-угристике, Буденц окончательно доказал финно-угорское родство венгерского языка. В пользу этого он высказывается в своей рецензии на “Тюрко-венгерские сопоставления” Армина Вамбери. Согласно ей, историческая связь между венгерским и тюркскими языками отражена только в тех венгеро-тюркских соответствиях, которые возникли путем заимствования. Их число, по подсчетам Буденца, составляет 146 слов. Судя по фонетическому облику, их источником служил такой тюрк-

ский язык, в котором общетюркскому *з* в чувашском соответствует *р*. Им, по мнению Буденца, был чувашский, точнее, древнечувашский язык [Дмитриева, Адыгаши 2001: 12–13]. Вслед за Буденцем в венгерском чувашеведении древнетюркские заимствования венгерского языка называют древнечувашскими до сегодняшнего дня. Таким образом, Й. Буденц своими чувашскими исследованиями и вытекающими из них выводами положил начало венгерскому чувашеведению.

Венгерский финно-угровед и этнограф Бернат Мункачи в своей деятельности касался и тюркских заимствований венгерского языка, а также и их языка-источника – болгаро-тюркского. Его первое знакомство с чувашами и чувашским языком состоялось в 1885 г. в Симбирске, во время его удмуртской экспедиции. В результате появились его “Заметки, касающиеся изучения чувашского языка” [Мункачи 1887–1890]. В них Мункачи детально описывает фонетическую систему чувашского языка, устанавливает закономерности ударения, впервые излагает особенности чувашских диалектов на венгерском языке, концентрируя свое внимание на описании фонетических диалектизмов. Им дан список библиографий всех существующих письменных (печатных и рукописных) источников чувашского языка, начиная со времен Страленберга. В конце Заметок в качестве дополнения к русско-чувашскому словарю Золотницкого Мункачи публикует небольшой чувашско-венгерско-русский словарь, что позже значительно облегчит изучение чувашского языка венгерскими исследователями.

Мункачи в своих этимологических разысканиях, посвященных выявлению древнеболгарских заимствований венгерского языка, постоянно дополняет их список, начатый еще Буденцем.

В НА ЧувНИИ сохранилась русскоязычная рукопись работы Б. Мункачи “Турецкие элементы в венгерском языке” вместе с сопроводительным письмом от 15 мая 1897 г. на имя Н. И. Ашмарина [Федотов 1985]. В ней Мункачи выявлены 8 критериев языка чувашского типа. Аналогичная работа, должно быть, имела и на венгерском языке, т. к. изложенные здесь критерии позже перенимались ведущими венгерскими тюркологами (З. Гомбоц, Л. Лигети). Изложенные в рукописи открытия стали органической частью нынешних знаний [Лигети, Федотов 1989: 88].

В чувашских исследованиях Мункачи центральное место занимает связь венгров и болгар, время и место их контактов. Мункачи, учитывая языковые факты, уверен, что существовала доисторическая связь между венграми и булгарами, и считает неслучайным совпадением, что в языке венгров, названных этнонимом *un-ugur*, встречаются элементы, присущие только языку древних болгар [Мункачи 1903].

Мункачи рассмотрены и ключевые этнонимы в истории тюркских и финно-угорских народов, такие как *угор*, *югор*, *он-угор*, *булгар*, *башкир*, *чуваши*. Ученый приходит к выводу, что настоящие “угорские” элементы венгерского языка – это и есть тюркские (древнебулгарские, древнечувашские) элементы, и единственный язык, который вправе называться им – это чувашский язык.

Малоизвестен тот факт, что видный исследователь обско-угорских языков, Й. Папай, расшифровавший загадочные хантыйские полевые материалы А. Регули, подобно ему, коснулся и чувашей. В мае 1898 г. он побывал в 11 населенных пунктах Чувашии, расположенных в долинах рек Аниша и Цивилия, а также в Чебоксарах. Его целью было установить правильность чтения имеющейся у него чувашской печатной продукции, а также собрать этнолингвистический материал. Он на месте выявлял те чувашские слова, соответствия которых имеются в венгерском языке, для дальнейшего составления списка его древнечувашских заимствований. Опубликованные только в конце XX в. чувашские путевые записи Й. Папай, к сожалению, при его жизни не стали достоянием венгерской науки, и в настоящее время данный материал имеет значение только для истории культуры [Адягаши 1997].

Начатые финно-угроведами исследования древнебулгарских или чувашских заимствований венгерской лексики с тех пор продолжают и развились в особую отрасль венгерской науки – в чувашеведение. Естественно, ими занимаются сейчас тюркологи.

В конце XIX в. внимание финских ученых привлекли многочисленные чувашские заимствования не только венгерского, но и ряда других финно-угорских языков. С этого и началась их монографическая обработка.

Научной общественности меньше всего известны чувашские исследования А. Альквиста по той причине, что его чувашское наследие не изучено еще до конца. К высказанному о нем В. Г. Егоровым и М. Р. Федотовым нам нечего добавить.

Первой из серии монографий является работа Х. Паасонена, в которой рассматриваются тюркские заимствования в мордовском языке [Паасонен 1897]. Автор их делит на три группы: 1) чувашские; 2) татарские; 3) тюркские с неясным происхождением. Среди них надежно выделяются чувашские заимствования, т. к. они во многом отличаются от слов общетюркского происхождения, а именно: общетюрк. аус- и инлаутному *z* ~ чув. *r* : морд. *ajra*, *ajnra* ‘холодный, прохладный’ (о погоде) ~ чув. *ojar* ‘ясная погода’ ~ тат. *ajaz* ‘ясный, безоблачный’; общетюрк. анл. *j* ~ чув. *ś* : морд. *śirnk*, *śirt* ‘ольха’ ~ чув. *śirĕk* ~ тат. *jirek*, миш. *jĕrek* ‘тж’; *a* корневого слога по сравнению с общетюркскими языками в чу-

вашском сужается: морд. *kendal, kelda* 'клоп' ~ чув. *xǎntla (xǎnkäla* – Д. Ю.) ~ тат. *kandala* 'тж'; аусл. общетюрк. *-k* в чувашском исчез: морд. *komlä, komla* 'хмель' ~ чув. *xumla* ~ тат. *kolmak, kumlak*. По определению Паасонена, заимствованная чувашская лексика встречается в языке у той части мордвы, которая в настоящее время не имеет никаких связей с чувашами. Поэтому чувашско-мордовские связи он датирует домонгольским периодом. Х. Паасонен имел отношение как к финскому, так и к венгерскому чувашеведению. Он отлично владел венгерским языком, т. к. долгое время служил в Венгрии в качестве дипломата. Его научные публикации, касающиеся связи финно-угорских и тюркских языков, написаны на венгерском и немецком языках. Паасонен по поручению Хельсингфорского университета в 1898–1902 гг. был командирован к некоторым финно-угорским и тюркским народам Поволжья, в том числе два раза (1900, 1901) побывал среди низовых чувашей, в Самарской и Казанской губерниях. Кроме сборов в полевых условиях, он накопил большую коллекцию чувашских слов из разных письменных источников. Из собранных им таким образом материалов появился на свет Чувашско-венгерско-немецкий словарь, изданный ВАН в 1908 г. [Паасонен 1974]. Он включал около 7500 слов и в свое время был предназначен исследователям чувашского языка. Издатель факсимиле словаря А. Рона-Таш по богатству материала ставит его в один ряд с "Этимологическим словарем чувашского языка" В. Г. Егорова, отмечая, что труд Паасонена является сокровищницей и для татарской диалектологии. Х. Паасонен являлся главным рецензентом монографии З. Гомбоца "Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache". Выводы Гомбоца, относящиеся к истории венгерского и тюркских (чувашского) языков, он в большей части считает правильными, а сам касается некоторых частных выводов, имеющих отношение к истории культуры. Рецензент, оспаривая мнение Гомбоца относительно времени венгеро-булгарских контактов (600–800 гг. н. э.), считает, что нет пока надежной исторической опоры относительно хронологии чувашских элементов венгерского языка, и длительность венгерско-чувашских контактов могла быть более продолжительной, чем это кажется Гомбоцу.

Второй по счету монографией, посвященной чувашским заимствованиям финно-угорских языков, является работа Ю. Вихманна [Вихманн 1903]. В ней автором, видным исследователем исторической фонетики финского языка и этнографии финно-угорских народов, рассмотрено около 160 слов, заимствованных удмуртами и коми из чувашского языка. Указаны и те слова, которые чувашский язык в свою очередь заимствовал из пермских языков.

Чувашские заимствования марийского языка рассмотрены в одноименном труде М. Рясянена [Рясянен 1920]. По подсчету автора, в марийском языке имеется около 500 чувашских слов, выявленных им по характеризующим только чувашский язык определенным фонетическим и семасиологическим критериям.

Исследования чувашских заимствований упомянутых выше финно-угорских языков в XX в. продолжали как венгерские специалисты, так и сами носители этих языков, т. е. марийские, удмуртские, мордовские языковеды.

Вслед за Х. Паасоненом вопросам мордовско-тюркских, в частности, мордовско-чувашских контактов посвящена статья А. П. Феоктистова [Феоктистов 1965].

В связи с чувашскими заимствованиями марийского языка Э. Беке – видный венгерский исследователь марийского языка – затрагивал ряд вопросов исторической фонетики и лексикологии чувашского языка (см. подробнее: [Беке 1923; Беке 1933; Беке 1951]).

Среди работ марийских исследователей, на наш взгляд, ключевую роль играют труды Н. И. Исанбаева в разработке и обобщении марийско-тюркских, и, в частности, марийско-чувашских контактов. В них автор подробно рассматривает историю изучения вопроса, периодизацию данных этноязыковых отношений, а также фонетические, морфологические и семантические критерии отграничения татаризмов марийского языка от его заимствований чувашского (булгарского) происхождения [Исанбаев 1989: 38–54].

Венгерский финно-угровед, выдающийся исследователь марийского языка нашего времени Габор Берецки, финно-угорско-тюркские связи рассматривает в комплексе. Коснувшись вопроса чувашско-марийских языковых контактов, марийский язык он относит “...к тем редким языкам, которые в ходе длительного и интенсивного общения с соседним (чувашским) языком заимствовали в области морфологии не только словообразующие аффиксы, но и аффиксы некоторых падежей” [Дмитриева, Адыгаши 2001: 99–100; Берецки 1979]. Ученый, анализируя языковые связи Волго-Камского региона, в качестве их ареальных составляющих определяет четыре финно-угорских (марийский, мордовский, удмуртский, коми) и три тюркских (чувашский, татарский, башкирский) языка. При этом языковом союзе он устанавливает и хронологию контактов. Согласно ему, булгаро-тюрки сначала вступили в контакт с носителями пермских языков, затем мордовского и только потом марий-

ского языка. Самой характерной чертой языков волжско-камского ареала он считает их агглютинативность и типологическую близость. По мнению ученого, воздействие ареала, т. е. влияние чужого языка на марийский язык нередко проявляется в изменении функции определенных элементов морфологии, в появлении новых грамматических категорий [Берецки 2002: 15].

Венгерский финно-угровед, исследователь коми языка Карой Редеи, в совместной работе с тюркологом Андрашом Рона-Ташем выделил 19 болгаро-тюркских заимствований протопермской эпохи пермских языков [Редеи, Рона-Таш 1972]. Авторы болгаро-тюркскими заимствованиями протопермской эпохи считают только те слова, которые, кроме как в удмуртском языке, встречаются еще и в пермяцком диалекте коми языка и в остальных его северных диалектах. По их предположению, начало протопермско-среднеболгарских контактов – рубеж VIII–IX вв.

Удмуртский исследователь И. В. Тараканов посвятил ряд работ изучению тюркизмов в удмуртском языке и его диалектах. Центральным вопросом его монографии являются удмуртско-тюркские языковые контакты [Тараканов 1982]. В отдельной статье ученый рассматривал болгарские (чувашские) заимствования удмуртского языка [Тараканов 1980]. В ней болгарский слой удмуртской лексики он выявляет с помощью 10 характерных фонетических особенностей. По его мнению, большинство слов этого особого пласта удмуртского языка находит соответствия и в родственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках, в то время как тюркизмы неболгарского (кыпчакского) типа в первом уже не встречаются, а если и имеются, то в количественном отношении незначительны. Далее он рассматривает статистику болгаризмов удмуртского языка в трудах разных авторов. По определению исследователя, тюрко-болгарские заимствования отражают быт, экономический уклад, социальное и родственное положение, а также имущественные отношения древних удмуртов, их абстрактное мышление и духовную жизнь. Многие из них передают устаревшие понятия.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

миш. – мишарский диалект татарского языка; *морд.* – мордовские языки; *чув.* – чувашский язык; *общетюрк.* – общетюркский язык; *тат.* – татарский язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адьягаш 1997 – *Agyagási K., Pápay J.* Csuvas hagyatéka. Naplórészlet, csuvas szójegyzék // *Bibliotheka Pápayensis. Vol. VII. Debrecen, 1997. 148 l.*

Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары.

Беке 1923 – Beke Ö. Zur Lautgeschichte der tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen // FUF. 1923. 23. S. 64–84.

Беке 1933 – Beke Ö. Zu den tschuwaschischen Lehnwörter der tscheremissischen Sprache // MSFOu. 67. S. 42–50.

Беке 1951 – Beke Ö. Egy régi csuvas jövevényszó a cseremiszben // NyK 53. 271 old.

Берецки 1979 – Berczki G. Tschuwaschische Kasussuffixe im Tscheremissischen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 12. 1979. S. 65–69.

Берецки 2002 – Berczki G. A cseremisz nyelv történeti alaktana // Studies in Linguistics of the Volga-Region. Supplementum I. Ed. Klára Agyagási. Debrecen, 2002. 290 l.

Буденц 1862–1863 – Budenz J. Csuvas közlések és tanulmányok // NyK I. 200–268, 353–433 old.; NyK II. 14–68 old.

Буденц Й. О некоторых “необычных” чувашско-тюркских звукосоответствиях // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 14–21.

Вихманн 1903 – Wichmann Y. Die tschuwaschischen Lehnwörter in permischen Sprachen // MSFOu. XXI, 1903.

Дмитриева Ю., Адыгаши К. Hungaro-Tschuwaschica, 2001.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. (Татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола, 1989.

Лигети 1989 – Лигети Л., Федотов М. П. Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // СТ. 1989. № 1. С. 80–88.

Миллер 1759 – Miller G. F. Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken // Sammlung Russischer Geschichte. Der dritten Bandes, viertes Stück. St. Peterburg, 1759. S. 305–412.

Мункачи 1887–1890 – Munkácsi B. Csuvas nyelvészeti jegyzetek // NyK 21. 1–44 old.

Мункачи 1903 – Munkácsi B. A volgai bolgárokról // Ethnographia 14. 66–76, 147–152, 261–265 old..

Паасонен 1897 – Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // JSFOu. XV. Helsinki, 1897.

Паасонен 1974 – Paasonen H. Tschuwaschisches Wörterverzeichnis (Csuvas szójegyzék). Eingeleitet von A. Róna-Tas. Studia Uralo-Altaica 4. Szeged, 1974.

Редей-Рона-Таш 1972 – Rédei Károly, Róna-Tas András. A permi nyelvek ősermi bolgár-török jövevényszavai // NyK 74. 281–298 old.

Рясянен – Räsänen M. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. MSFOu. XLVIII. Helsinki, 1920.

Страahlenберг – Strahlenberg F. J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730.

Тараканов И. В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: Труды ЧНИИ. Вып. 97. Чебоксары, 1980. С. 127–136.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск, 1982. 188 с.

Федотов 1985 – Федотов М. Р. Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // СТ. 1985. № 1. С. 30–37.

Федотов М. Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары, 2000.

Феоктистов А. П. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 331–343.